

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2017

Номер выпуска: 67-68

Заглавие: Родная природа в творчестве А. П. Чехова

Автор: Л. И. Найговзин

А. П. Чехов с особым трепетом относился к своей малой родине, о чем можно судить по письмам, записным книжкам и, конечно, по литературным произведениям писателя, в первую очередь по повести «Степь», не говоря уже о пьесе «Вишневый сад». Краевед Л.И. Найговзин попытался установить связь истории освоения Приазовья, нашего города, современных представлений об экологии с чеховскими мотивами описания родной природы.

Экология — в широком смысле определяется как наука о взаимодействии живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой.

Во второй половине XX века в связи с резким усилением неблагоприятных воздействий человека на биосферу и необходимостью принятия широкомасштабных природоохранных мероприятий резко возрастает практическое значение экологии. Экономический подход становится необходимым при решении производственных, научно-технических, демографических и других задач.

Экология животных - раздел зоологии, изучающий взаимоотношения животных между собой и средой обитания, тесно связан со многими другими науками.

Экология растений - наука о взаимодействии между растительными организмами и средой их обитания. Экология изучает влияние на форму, строение, распределение, эволюцию, приспособление к условиям существования.

Задачи: разработка научных основ селекции в растениеводстве, применение современных методов рационального отбора полезных растений, их развитие, организация и регулирование ландшафта без карантинных растений.

Воды залива всегда делали Таганрог привлекательным и не только украшали город, но и обеспечивали живительной прохладой и кристально чистым воздухом - кислородом.

Царь Петр I писал в 1701 году генерал-губернатору Ф.М. Апраксину: «Кругом Таганрога насаждать желудей для лесу, также в городе по берегу и по морским пригожим местам насадить ивы». В 1707 году свое желание подтвердил: «На Таганроге в удобных местах насадить рощи дубового или иного какого дерева, привозжи с Дону немалое число маленьких деревьев в осень (по листопаду), также по дали от города в удобных местах несколько десятин посеять для лесу. Так возникли две дубовые рощи: «Ближние дубки» за городским садом) и «Дубки» (живущие сейчас).

Посадки лекарственных трав в районе Карантина не удовлетворяли потребности горожан. Второй градоначальник Таганрога Б.Б. Кампенгаузен решил разбить на территории города аптечный сад (ныне парк им. М. Горького). В 1806 году были произведены посадки лекарственных трав и фруктовых деревьев. Днем рождения сада считается 14 марта 1806 года.

Император Александр I много сделал для городского сада - расширил его территорию, благоустроил, выделил средства - 11 500 рублей и ежегодно - 1500 рублей.

Городской сад был особенно роскошен, когда им занимались специалисты-садовники и некоторые просвещенные администраторы.

В 1825 году император Александр I считал привлекательным для прогулок южный берег моря. От зеленых насаждений веяло прохладой. Это место соседствовало с Карантином. Император велел насадить здесь парк и сам выполнил чертежи. Был приглашен англичанин Грей, а воплощением замыслов занялся садовник Эстерн. Было высажено 2652 дерева. В 1826 году этот парк назван Елезоветенским. Дубовая роща вместе с многочисленными дачами

представляла море зелени.

2 мая 1815 года таганрогский градоначальник Шауфус, ввиду заявления горожан о том, что ежегодно производятся порубки леса на продажу, возбудил ходатайство перед министерством о передаче «Дубков» в ведение города для общественных гуляний.

2 июня 1815 года екатеринославский формейстер издал распоряжение: «Оную рощу предоставить городу Таганрогу пользоваться ненарушимо, мирно и вечно». Под Солдатский сад (с противоположной стороны рощи) площадь была выделена Высочайшим повелением в 1825 году.

Граждане города стали сознавать пользу и красоту городской растительности, стали устраивать скверы, бульвары:

- Шестаковский (сохранился до наших дней);
- у памятника императору Александру I;
- у мужской и женской гимназий.

Улицы города представляли из себя роскошные бульвары.

К сожалению, в настоящее время озеленению «не нарадуешься» - высаживается что попало, где попало и как попало, а обрезка производится без соблюдения охранных зон.

Как ни удивительно, но первым поднял вопрос об экологии писатель Антон Чехов. Состояние окружающей среды он отразил в рассказе «Свирель», где вложил этот смысл в уста пастуха в его беседе с барским приказчиком Мелитоном:

- Все к одному клонится, — сказал пастух, поднимая вверх лицо. — Летошний год мало дичи было, в этом году еще меньше, а лет через пять, почитай, ее вовсе не будет. Я так примечаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

- Да, — согласился Мелитон, подумав. — Это верно.

Пастух горько усмехнулся и покачал головой.

- Удивление! - сказал он. - И куда оно все девалось? Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева - туча тучей! Бывало, съедутся господа на охоту, так только и слышишь: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелям, бекасам да кроншпилям переводу не было, а мелкие чирята да кулики все равно как скворцы или, скажем, воробцы - видимо-невидимо! И куда оно все девалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахом и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякого зверья. Нынче, брат, волк и лисица в диковинку, а не то что медведь или норка. А ведь прежде даже лоси были! Лет сорок я примечаю из года в год божьи дела и так понимаю, что все к одному клонится.

- К чему?

- К худу, паря. Надо думать, к гибели... Пришла пора божьему миру погибать.

Старик надел картуз и стал глядеть на небо.

- Жалко! - вздохнул он после некоторого молчания. - И, боже, как жалко! Оно, конечно, божья воля, не нами мир сотворен, а все-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари - все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо!

На лице пастуха вспыхнула грустная улыбка, и веки его заморгали.

- Ты говоришь - миру погибеть... — сказал Мелитон, думая. - Может, и скоро конец света, а только нельзя по птице судя. Это навряд, что бы птица могла обозначать.

- Не одни птицы, - сказал пастух. - И звери тоже, и скотина, и пчелы, и рыба... Мне не веришь, спроси стариков; каждый тебе скажет, что рыба теперь совсем не та, что была. И в морях, и в озерах, и в реках рыбы из года в год все меньше и меньше. В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась, и налимы водились, и язь, и лещ, и у каждой рыбины видимость была, а нынче ежели и поймал щуренка или окунька в четверть, то благодари бога.

Даже ерша настоящего нет. С каждым годом все хуже и хуже, а погоди немного, так и совсем рыбы не будет. А взять таперя реки... Реки-то небось сохнут!

— Это верно, что сохнут. - То-то вот и есть. С каждым годом все мельче и мельче, и уж, братушка, нет тех омутов, что были. Эвона, видишь кусты? — спросил старик, указывая в сторону. - За ними старое русло, заводиной называется: при отце моем там Песчанка текла, а таперя погляди, куда ее нечистые занесли! Меняет русло и, гляди, до-меняется до той поры, покуда совсем высохнет. За Кургасовым болота и пруды были, а нынче где они? А куда ручьи девались? У нас вот в этом самом лесу ручей тек, и такой ручей, что мужики в нем верши ставили и щук ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче в нем и в половодье не бывает путевой воды. Да, брат, куда ни взглянь, везде худо. Везде!

Наступило молчание. Мелитон задумался и уставил глаза в одну точку. Ему хотело вспомнить хоть одно место в природе, которого еще не коснулась всеохватывающая гибель. По туману и косым дождевым полосам, как по матовым стеклам, заскользили светлые пятна, но тотчас же угасли - это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю.

- Да и леса тоже... - пробормотал Мелитон.

- И леса тоже... - повторил пастух. - И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди - так без конца-краю, покуда ничего не останется. Я, добрый человек, с самой воли хожу с общественным стадом, до воли тоже был у господ в пастухах, пас на этом самом месте и, покуда живу, не помню того летнего дня, чтобы меня тут не было. И все время я божьи дела примечаю. Пригляделся я, брат, за свой век и так теперь понимаю, что всякая растения на убыль пошла. Рожь ли взять, овощ ли, цветик ли какой, все к одному клонится.